

УДК 908(571.17)“1775/1860”

**МЕНТАЛЬНОСТЬ КУЗНЕЦКИХ КРЕСТЬЯН
(КОНЕЦ XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА).
СТАТЬЯ II. УСТАНОВКИ В СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ**

Морозов Николай Михайлович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Кемерово, РФ). E-mail: oven.777@mail.ru

Внимание к теме обусловлено потребностью в изучении культурологических аспектов различных сторон бытовой морали крестьян Кузнецкого края, способствующих всестороннему осмыслению тенденций в духовной жизни местного общества. Поставлена задача конкретизировать проявления ментальных установок в поведении членов крестьянской семьи, выделить стереотипы нравственного поведения и представить обобщённый образ женщины, сформированный в крестьянском сознании.

Определены традиционные установки поведения женщины в различных типах отношений: супружеских, межпоколенных, к собственности патриархальной семьи. Среди её членов выявлено преобладание домашней эгоистической морали. Рассмотрены народные представления о брачном возрасте и политика администрации Кольвано-Воскресенских заводов по соблюдению предельных сроков замужества.

Выделены основные поведенческие и психологические установки и привычки, характеризующие обобщающий образ женщины-крестьянки. Отмечены такие её качества, как внешняя демонстрация независимого поведения, выносливость и расчётливость. Практика отношений между полами выстраивалась на полной зависимости жены от мужа, домашнее насилие ещё часто расценивалось жёнами как признак внимания мужа, форма проявления любви.

Рассмотрены стереотипы религиозно-нравственного поведения крестьян в ряде ситуаций: разбирательства проступков общинным судом, реакции населения на природные катаклизмы, осуждения колдовства. Установки общинного сознания кузнецкого крестьянства удерживали отношения среди жителей деревни в рамках коллективной солидарности и ответственности, не приемлющих случаев морального разложения.

Ключевые слова: ментальность кузнецких крестьян, образ женщины, отношения в браке.

**MENTALITY OF KUZNETSK PEASANTS
(THE END OF XVIII - THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY).
ARTICLE II. THE SYSTEM IN FAMILY LIFE**

Morozov Nikolay Mikhaylovich, PhD in History, Researcher, Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of the Siberian Office of the Russian Academy of Sciences (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: oven.777@mail.ru

The attention to a subject is caused by need for studying the culturological aspects of various parties of household morals of the peasants of Kuznetsk area promoting the comprehensive judgment of tendencies in spiritual life of local society. The task to concretize manifestations of mental system in behavior of members of a country family, to allocate stereotypes of moral behavior and to present the generalized image of the woman created in country consciousness is set.

Traditional system of behavior of a woman in various types of relations are defined: matrimonial, intergenerational as the general conditions of a patriarchal family. The prevalence of egoistical morals among members is revealed. National ideas of age of consent and policy of administration of Kolyvano-Voskresensky plants on observance of marriage are considered.

The main behavioural and mental sets and habits characterizing the generalizing image of the female peasant are allocated. Its such qualities as external demonstration of independent behavior, endurance and a thrift are noted. Practice of the relations between sexes was built on a complete dependence of the wife from the husband, the domestic violence still was often regarded by the wives as a sign of attention of the husband, a form of manifestation of love.

Stereotypes of religious and moral behavior of peasants in a number of situations are considered: trials of offenses by communal court, reactions of the population to natural cataclysms, sorcery condemnations. The system of communal consciousness of the Kuznetsk peasantry held the relations among residents of the village within collective solidarity and responsibility intolerant to cases of moral decay.

Keywords: mentality of Kuznetsk peasants, image of a woman, relation in marriage.

В сознании крестьян семья воспринималась, в первую очередь, как низовой универсальный производственный коллектив, состоящий из ближайших родственников. Трудовые отношения, основанные на кровнородственных связях в условиях замкнутого натурального хозяйства, являлись благоприятной средой для поддержания внутрисемейных традиций в разделении труда между поколениями, мужской и женской половинами, передаче знаний и опыта. Выполнение обязанностей по хозяйству представлялось естественным состоянием для человека, чувствовавшего себя более или менее защищённым в обстановке, наполненной родительской или сыновней заботой, любовью, моментами совместного сопереживания и преодоления общими усилиями неблагоприятных обстоятельств.

Вместе с тем отсутствие острого дефицита земли объективно вело к дроблению больших патриархальных семейных гнёзд, росту у женатых сыновей тяги к самостоятельной жизни, ведению единоличного хозяйства. На пути к реализации этого настойчивого желания уже слабым препятствием выглядел авторитет отца-большака.

О некоторых отношениях между родственниками, характерных для середины XIX века, Н. А. Костров писал так: «Сплошь и рядом в семьях жена, дочери, невестки тайком крадут из домашнего обихода или хозяйства и, что можно, продают на сторону; каждая для себя и тайком друг от друга. Это, по домашней эгоистической морали сибирячек, называется «прикладывать на себя». Сыновья также часто скрытно от отцов и матерей добывают себе деньги на счёт отцовских пожитков. Отцы большей частью предпочтительно любят только тех сыновей, которые с ранних лет обнаруживают большие буржуазные наклонности и эгоистически приобретательные способности» [7, с. 28–29].

Немаловажной причиной разделов являлись и «кухонные» конфликты, возникавшие между женщинами – «чтоб от баб какого греха не доспелось» [7, с. 35]. К тому же не все «молодухи» покорно сносили обиды свёкра или свекрови [4, л. 35–36 об]. Как объяснял один крестьянин: «Да бабы, то есть снохи, что-то всё не ладят. То за ту перешло, то за другую. К тому же у меня ребятишки, а у брата нет, так, стало быть, его жене, вишь, на моих-то ребят неохота работать» [10, с. 75, 155, 183].

Постепенно, к 1830-м годам в Кузнецком уезде стали преобладать не сложные по составу семейные ячейки, в среднем насчитывавшие 2,8 душ мужского пола и 2,9 душ женского пола. Тем не менее потребность в рабочих руках никогда не исчезала, особенно у приписных крестьян, вынужденных отвлекаться от домашнего хозяйства на обработку заводских повинностей.

Надёжным источником пополнения семей трудоспособными членами жители деревни считали заключение выгодных браков. В условиях низкой плотности населения и дефицита лиц женского пола до конца XVIII века, согласно церковным правилам, у юношей брачный возраст наступал с 15 лет, у девушек – с 12–13 лет. На самом деле таким незамысловатым способом поддерживалась сложившаяся у крестьянства практика приводить в дом дополнительные женские руки в виде пока малолетней или (как часто и бывало) для подростка – уже возрастной и опытной молодой жены.

Отчасти в целях пресечения подобных неравных союзов, нередко через годы совместной жизни завершавшихся семейными трагедиями с убийствами «постылых», в 1830 году официально брачный возраст был повышен соответственно до 18 и 16 лет. К этому времени женский труд не «потерял в цене», но стали меняться приоритеты

в поведении девушек. Они уже не спешили с замужеством, желая подольше насладиться «преlestями» состояния поиска суженного при заинтересованности родителей подольше задержать в семье полноценного работника.

В общественном сознании стало считаться нормой выход девушки замуж в 18-летнем и более старшем возрасте за ровесника или более зрелого молодого человека с разницей до 4–5 лет. На практике средний возраст невест в Кузнецком и Томском уездах составлял 21–22 года. В свою очередь в приписной деревне заводские власти, заботясь об увеличении податного населения, отслеживали ситуацию, чтобы крестьянские дочери подолгу (лет до 25–26) не «засиживались в девках», в противном случае заставляли отцов срочно решать вопрос их замужества.

Образ женщины

В старожильческой семье и в сельском обществе в целом женщины пользовались заслуженным уважением. Их труд считался тяжёлым, да и в крестьянском хозяйстве сложно было выделить чисто мужские или женские работы. По крайней мере, вдовам, не имевшим взрослых сыновей, всё приходилось делать самостоятельно или – при скромных личных возможностях – иногда рассчитывать на помощь со стороны.

В семьях, где мужчин было достаточно, в летнюю страду супруга всегда являлась незаменимой помощницей, не говоря о том, что занималась традиционно женскими занятиями: птицеводством, огородничеством, ухаживала за скотом, поддерживала порядок в доме, готовила пищу и припасы впрок, стирала, ухаживала за детьми. На плечи хозяйки ложились обязанности по обработке льна, выделке пряжи, сукна для одежды и её шитью.

«Премудрости» крестьянской жизни девочек начинали постигать уже с раннего возраста. С 6 лет матери усаживали их за прялку, поручали пасти домашнюю птицу. С 10 лет они брались за иглу и серп, на время полевых работ оставались домовничать, а в 14 лет умели ткать, жать зерновые и косить сено.

Распространённая, как замечали современники, среди сибирских крестьянок «одержимость истерическими припадками» («кликушеством») являлась следствием ежедневного интенсивного

и изнурительного труда, испытываемого с детства, отягощенного многочисленными беременностями и высоким уровнем детской смертности. Они были подвержены нервным перенапряжениям, особенно в случае буйного или чрезмерно сурового характера мужа, свёкра, а также страха перед насилием при случайной встрече с «лихим» человеком.

Стоит заметить, что местные судебные органы, как и сельское общество, ревностно относились к защите прав женщины на личную неприкосновенность, их чести и достоинства [4, л. 32–33, 120–121]. Да и представительницы слабой половины, чувствуя такую поддержку, если не было мотива замалчивать, не стеснялись требовать наказания для обидчика. Сибирячкам, как и их мужьям, были свойственны: внешняя демонстрация независимого поведения, выносливость и расчётливость. В случае обоснованности претензий виновник в соответствии с тяжестью проступка приговаривался к экзекуции кнутом, аресту или штрафу в пользу истицы и(или) общества. Так, за похищение с поля бергайерской дочери А. Семёновой 15 лет и её растление крестьянин Касминской волости К. Прокудин в марте 1824 года решением Кузнецкого уездного суда был приговорён к 20 ударам кнутом и, «титлом поставя на лице штемпелевые знаки», ссылке «в работу по распоряжению губернского правления» [2, с. 34].

По подсчётам Н. А. Миненко, с 1806 по 1808 год во всём Колывано-Воскресенском округе рассматривалось лишь 28 судебных дел, связанных с супружескими конфликтами: «битьём» жены, её побегом из дома, «прелюбодеянием», убийством или подозрением на его совершение, а в 1817–1818 годах – только 13 подобных дел [2, с. 131]. По сохранившимся в архивах приговорам можно представить меру терпения и покорности, которые в общественном мнении оценивались как достоинства слабой половины.

Так, к примеру, «один из крестьян с. Бачатского укрощал ревновавшую-же хозяйку при посредстве болота, где имел обычай топить её до потери сознания каждый раз» [7, с. 107]. Несомненно, изуверские привычки не возникали ниоткуда, но являлись порождением безнаказанности, особенно процветавшей в более ранние периоды кузнецкой истории, когда контроль за повседневно-

ной жизнью населения, особенно отдалённых от волостного центра деревень и заимок, со стороны гражданских властей и священников не был регулярным или вообще отсутствовал.

Представляется, что какая-то часть жалоб рассматривалась на сельских сходах по упрощённой процедуре и не вошла в официальную статистику. Стереотипы поведения в отношении супруги обуславливались как распространённостью браков, заключённых по родительской воле, так и её экономической и юридической зависимости от мужа [5, с. 11]. Без его разрешения хозяйка не имела права даже на временную «отлучку» из дома. Поэтому, домашнее насилие, если и было в середине XIX века повсеместным, как это в своё время утверждали Н. А. Костров и Н. М. Ядринцев, то, в основном, в супружеских парах, где жена была морально сломлена и боялась возмездия.

Домашнее насилие не было чуждым явлением и в семьях старообрядцев с более строгими правилами поведения и отрицанием в некоторых соглашениях таинства брака. Мужественным покажется поступок Марфы Нестеровой из с. Коуракского, просватанной за крестьянина д. Рассолкиной Семёна Матвеева, обещавшего венчание в православном храме соседнего села. Но жених «в церкви с ней не венчался, лишил её девства и принуждает сожительствовать “так, по-раскольнически, – без венчания”, и вместе требует, чтобы она пришла в его раскольническую веру» [3, с. 172]. Несколько раз молодая женщина убегала от Матвеевых за десятки вёрст в родной дом, один раз – босой в зимнее время, но её вновь насильно возвращал жених с родственниками, наносил жестокие побои. Конец мучениям положил староста Тарсминского волостного правления, лично передавший несчастную в руки матери «всю в синявицах от битья кнутом и давления коленками».

Народная этика разрешала разводы и вторые браки только в том случае, если к этому был основательный повод, например, супружеская неверность. Но, в целом, развод считался позором, грехом, ударом в первую очередь по репутации женщины, которую называли брошенкой или отходкой.

Во многих семьях нормой поведения являлось обходительное отношение супруга к своей

«второй половине». Об этом красноречиво свидетельствуют сохранившиеся в архивах со времён XVIII – первой половины XIX века крестьянские письма и записи разговоров, в которых главы семей употребляли в присутствии детей различные уважительные обращения: «мать», «хозяйка», «жена», называли по имени-отчеству и никогда – «баба» [8, с. 99].

Встречавшиеся в жизни противоположные примеры, как относительного равноправия между полами, так и насилия над слабой половиной, способствовали формированию в подсознании крестьянки комплекса защитных механизмов, нацеленных на обеспечение желаемого «статус-кво». Так, в моменты определённых переживаний могла «включиться» установка обращения за помощью к потусторонним силам, связанным с языческими культами.

По наблюдениям Н. А. Кострова, в Томской губернии обряды колдовства, ведовства и знахарства чаще всего совершались посредством змеи и лягушки, но иногда в ход шла человеческая кровь, некоторые части тела, волосы, испражнения. Набор средств был не случаен и отражал некоторые стороны дохристианских воззрений, которые встречались и у других народов. Так, в Германии существовало поверье о том, что только разного рода гады, например, ящерицы, черви, лягушки и змеи, могли быть продуктом совместных деяний дьявола с ведьмой [6, с. 4]. Впрочем, сибирские знахари использовали их и в лечебных целях: змеиную кожу – от лихорадки, лягушек – против запоя. У кузнецких татар змея, якобы живущая в своём высокоорганизованном обществе, наделялась совершенным разумом.

Конечно, такие случаи не были нормой в быту, и в судебной практике фиксировались тщательно. Так, в 1807 году по обвинению в «“порче” мужа – Антона Новикова, к суду были привлечены его жена Мария и крестьянка Верхотомской волости Устинья Романова. В 1818 году жена лазаретного служителя Салаирского рудника Акулина Мякотина объявила начальству, что пять лет тому назад крестьянка Прасковья Адова колдовала с намерением довести до смерти свою золовку Хавронью с помощью сушёной лягушки, которую клала в щи» [6, с. 2; 10, с. 130]. После рассмотрения подобных дел суд, как правило, выносил суровый приговор – наказание ответчицы розгами

с последующим переселением в «дальний край Сибири».

Несомненно, при внешне казавшейся монотонной жизни кузнецкой деревни, сосредоточенной на выполнении календаря сельскохозяйственных работ и заводских повинностей, в её недрах кипели, иногда вырываясь в наружу, семейные страсти, бушевали эмоции. В судьбе местной женщины случались маленькие и большие трагедии, моменты счастья, разочарований и апатии, все вместе питавшие и одновременно выражавшие внутренний мир сибирячки – пластичный в ответах на различные обстоятельства повседневности и закалённый в условиях суровой действительности.

Стереотипы нравственного поведения

Важным регулятором отношений внутри деревенского общества являлись нормы поведения, в основе которых находились общепринятые ценности. В крестьянской среде, почитающей православные традиции, идеализированные представления о морали соотносились с Божьими заповедями – своеобразным кодексом человеческого общежития, несоблюдение которых должно неотвратимо караться судом божьим.

Первые четыре заповеди содержат в себе обязанности любви к Богу. Последние шесть посвящены любви к ближнему (то есть ко всем людям): почитай отца твоего и мать, да будешь благословен на земле и долготелен; не убий; не прелюбодействуй; не укради; не лжесвидетельствуй; не пожелай ничего чужого. Их соблюдение гарантировало уважение соседей и репутацию благочестивого христианина.

Заподозренный в проступке, чтобы оправдаться, обязан был принародно произнести перед иконой клятву: «Порази меня, царь небесный, если я этому делу виновен!». В это время присутствующие зорко следили за произвольной мимикой лица, движением рук, глаз и другими невербальными признаками, выказывавшими беспокойство, которые могли выдать прощтрафившегося. По этим основаниям (при отсутствии прямых улик) делались заключения о виновности. Иногда страх лжесвидетельства перед святыми образами был настолько велик, что «трясаясь чрезвычайно весь и будучи безмолвен, человек “не мог говорить читаемой ему присяги, а потому и удержен”» был [8, с. 60].

О набожности крестьян и её усилении в период бедствий можно судить по воспоминаниям жителя близкого к Кузнецкому краю Сузунского завода А. Широкова о прошедшем в 1829 году землетрясении. Среди приписного населения «пронёсся слух, что идёт комета Меркулей, которая в несколько раз больше солнца; она будет проходить мимо его, и если Бог не потерпит грехам народа, Меркулей заденет за солнце, солнце упадёт и опрокинет землю». Как передавал очевидец: «В ожидании сего страшного события всякой оставил свои дела и работы и старался посвятить краткий остаток жизни занятиям душевспасительным. Женщины заводские и деревенские, все без исключения, спешили каждый день в церковь, и там, смиренно преклоня колена, с искренними слезами возсылали мольбы свои ко Всевышнему о спасении. Утешительные слова и наставления пастыря были для них единственной отрадой. Молодые девушки постились и, исповедуя грехи свои отцу духовному, изъявляли пламенное желание сподобиться приобщения святых тайн, и доблестный служитель церкви не отказывал им в этом <...>. Так прошла неделя, другая, потом малу-помалу начало приходить все в прежний порядок <...> прошел месяц-другой, и грешная жизнь снова закипела» [9, с. 172–173].

В общественном сознании бытовавшие представления о нравственности наполняли содержанием традиционные элементы бытовой этики. Тяжкими оскорблениями считались: обрезание у мужчин бороды, у женщин – косы; безосновательное обвинение девушки в «незаконной связи» или замужней женщины – в сожительстве с посторонним мужчиной; срывание платка с головы женщины или девушки (появиться с непокрытыми волосами было равносильно показаться на улице в голом виде). В судебных делах упоминались «предвзятые поступки»: «предерзость в миру», непристойность, поношения, пьянство, буянство, распутное поведение, похабство, тяжбы, а также отрицательные характеристики – «не дельный человек», «кляузник на суседа», «не уважает общество» [1].

За подобные случаи бесчестия общинный суд, как правило, приговаривал виновного к денежному штрафу в пользу пострадавшей стороны или к телесному наказанию [7, с. 116]. В этой части полномочия главы семьи распространялись

только на несовершеннолетних её членов, но в случае их превышения, по жалобе обиженных родственников мог сам быть призван к ответу.

При выборе для осужденного кары присутствовал мотив нанесения воспитывающего нравственного или физического страдания и как следствие – ожидание от него отказа от правонарушений в будущем. Менее чувствительным представлялось присуждение общественных работ или арест с заключением в «кутузку» («чижовку») на хлеб и воду. Поэтому суды предпочитали «выписывать» розги – более эффективное, наглядное и лёгкое по исполнению средство исправления. Как говорилось в народной пословице: «Розги не мука, а впредь наука». Впрочем, были случаи, когда здоровым мужикам «за дело» было не страшно выдержать сотню и более ударов шпицрутенами. Не являлись исключением случаи и безвинных, но жестоких наказаний, какое, например, в 1865 году якобы за кражу 12 рублей, кстати, не доказанную, по решению сельского старосты Опарина и «общества» понесла Александра Елгина из д. Белининой Кузнецкого округа. Женщина родила мёртвого ребёнка после того, как с небольшими перерывами четыре раза «приняла» от 30 до 50 таких ударов, что в некоторых местах тела кожа висела клочками [7, с. 114].

В крестьянской среде, как и у местных народностей, широко использовалось «посрамле-

ние» унижением публичностью проступка. Одну из таких сцен, «исполненную» телеутами, описал Н. Костров: «Украденные вещи или части их, – например, от зарезанной коровы голова, привешивается вору на шею, и его окружает толпа народа, предшествуемая впереди верховым, за которым следует инородец с печной заслонкой на шее и бьёт дробь вроде барабана, по бокам вора два экзекутора с прутьями, сзади второй верховой. Вся эта группа проходит по всем улицам улуса и останавливается пред каждым домом, где похититель должен предлагать хозяину дома купить у него краденое и выхвалять свой товар» [7, с. 115].

Общинное сознание кузнецкого крестьянства, ориентированное на религиозно-нравственные ценности и практицизм, по существу, удерживало отношения среди жителей деревни в рамках коллективной солидарности и ответственности, не приемлющие случаев морального разложения. Вместе с тем юридически нормы общегития и наказания за проступки в сочетании с народными обычаями, регулировавшими хозяйственную деятельность и отношения в быту, не могли в сибирских реалиях первой половины XIX века «подавить» установки девиантного поведения у некоторой части сельского мира. Таким образом, сохранялась почва, как для духовных, так и вполне материальных «манёвров» между добром и злом, жизнью и смертью.

Литература

1. Андрюсов Б. Е. Мир старожилов Сибири [Электронный ресурс]. – URL: <http://andjusev.narod.ru/index2.htm> (дата обращения: 02.12.2015).
2. Бачинин А. Н. Материалы для гендерной истории края в фондах Кузнецкого суда (первая четверть XIX века) // Архивы Кузбасса: информ. метод. и ист.-краевед. бюл. архив. упр. администрации Кемеров. обл. – Кемерово, 1999. – № 1 (3). – С. 31–37.
3. Беликов Д. Н. Томский раскол : (исторический очерк с 1834 по 1880-е годы). – Томск: Паровая типо-литография П. И. Макушина, 1901. – 246 с.
4. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). – Ф-15. – Оп. 1. – Д. 30.
5. Коляскина Е. А. Образ женщины в картине мира русских Алтая второй половины XIX – первой трети XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Бийск, 2010. – 23 с.
6. Костров Н. А. Колдовство и порча между крестьянами Томской губернии // Зап. Запад.-Сиб. отд. Император. Рус. географ. о-ва. – Омск, 1879. – Кн. 1. – С. 1–16.
7. Костров Н. Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии. – Томск: Том. губерн. тип., 1876. – 117 с.
8. Миненко Н. А. Живая старина. Будни и праздники сибирской деревни в XVIII – первой половине XIX века. – Новосибирск: Наука, 1989. – 160 с.
9. Миненко Н. А. Культура русских крестьян Зауралья. XVIII – первая половина XIX века. – М.: Наука, 1991. – 226 с.
10. Миненко Н. А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX века). – Новосибирск: Наука, 1979. – 350 с.

References

1. Andryusev B.E. Mir starozhilov Sibiri [World of old residents of Siberia]. (In Russ.). Available at: <http://andjusev.narod.ru/index2.htm> (accessed 2.12.2015).
2. Bachinin A.N. Materialy dlya gendernoy istorii kraya v fondakh Kuznetskogo suda (pervaya chetvert' XIX veka) [Materials for gender history of edge in funds of Kuznetsk court (the first quarter of the XIX century)]. *Arkhivy Kuzbassa: informatsionno-metodicheskiy i istoriko-krayevedcheskiy byulleten' arkhivnogo upravleniya Administratsii Kemerovskoy oblasti* [Archives of Kuzbass: information and methodical and local history bulletin of archival management of Administration of the Kemerovo region]. Kemerovo, 1999, vol. 1 (3), pp. 31-37. (In Russ.).
3. Belikov D.N. Tomskiy raskol: (istoricheskiy ocherk s 1834 po 1880-ye gody) [Tomsk split: (a historical sketch from 1834 to the 1880th years)]. Tomsk, Parovaya tipo-litografiya P.I. Makushina Publ., 1901. 246 p. (In Russ.).
4. Gosudarstvennyy arkhiv Kemerovskoy oblasti (GAKO). F-15. Op. 1. D. 30. (In Russ.).
5. Kolyaskina E.A. Obraz zhenshchiny v kartine mira russkikh Altaya vtoroy poloviny XIX pervoy trety XX veka. Avtoref. diss. kand. ist. nauk [Image of the woman in a picture of the world of Russians of Altai of the second half of XIX – the first third of the XX century. Author's abstract of Diss. Dr. ist. sci.]. Biysk, 2010. 23 p. (In Russ.).
6. Kostrov N.A. Koldovstvo i porcha mezhdru krest'yanami Tomskoy gubernii [Sorcery and damage between peasants of the Tomsk province]. *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obschestva* [Notes of the West Siberian department of Imperial Russian geographical society]. Omsk, 1879, book 1, pp. 1-16. (In Russ.).
7. Kostrov N. Yuridicheskiye obychai krest'yan-starozhilov Tomskoy gubernii [Legal customs of peasants old residents of the Tomsk province]. Tomsk, Tomskaya gubernskaya tipografiya Publ., 1876. 117 p. (In Russ.).
8. Minenko N.A. Zhivaya starina. Budni i prazdniki sibirskoy derevni v XVIII pervoy polovine XIX veka [Live old times. Everyday life and holidays of the Siberian village in XVIII – the first half of the XIX centuries]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1989. 160 p. (In Russ.).
9. Minenko N.A. Kul'tura russkikh krest'yan Zaural'ya. XVIII pervaya polovina XIX veka [The Russian country family in Western Siberia (XVIII – the first half of the XIX century)]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 226 p. (In Russ.).
10. Minenko N.A. Russkaya krest'yanskaya sem'ya v Zapadnoy Sibiri (XVIII pervaya polovina XIX veka) [The Russian country family in Western Siberia (XVIII – the first half of the XIX century)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1979. 350 p. (In Russ.).